

Литературная РОССИЯ

Интернет-портал

Главное – люди и их внутренний мир

Беседа о творческой судьбе с поэтом Владимиром Скворцовым

№ 2023 / 31, 11.08.2023, автор: Светлана ГОЛУБЕВА (г. Орёл)

*Важней, не сколько написал ты книг,
а сколько строк... тебя переживут.*

Владимир Скворцов

В сегодняшней литературной жизни – бескрайнем море авторских стилевых палитр и оттенков, сюжетных глубин и просторов – начинающему писателю легко затеряться без надежды найти свой неповторимый творческий путь. На самом деле здесь повсюду светят маяки знаковых ярких личностей, на чью мудрость вполне можно положиться, прокладывая собственный курс. Надо только услышать, понять и принять то, о чём говорят эти люди, чем живут, каким правилам следуют, оставаясь нашими попутчиками и ориентирами одновременно.

Об этом в редакции журнала «Невский альманах» состоялась беседа с поэтом, прозаиком и публицистом, главным редактором литературного журнала «Невский альманах», президентом Некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы» **Владимиром Степановичем Скворцовым**.

Владимир Скворцов. 25.06.2011 г.

Владимир Степанович родился 25 марта 1954 года в деревне Климовщина Новгородской области. После окончания Богословской средней школы работал на Лесопильно-мебельном комбинате в городе Пестово. Служил в армии, награждён медалью «За отвагу на пожаре». Окончил факультет журналистики ЛГУ имени Жданова, работал редактором радиовещания в Выборге, заведующим Подготовительных курсов ЛГУ, заместителем директора международной фирмы...

Первые публикации прозвучали и появились в 1972 году на Всесоюзном радио и в районной газете. Произведения В. С. Скворцова печатались в десятках газет, в журналах «Советский воин», «Аврора», «Крокодил», «Русский мир», «Новый век», «Север», др. Владимир Степанович – лауреат различных литературных премий и конкурсов. Его многолетняя плодотворная творческая деятельность отмечена Почётными грамотами и Дипломами Союза писателей и Союза журналистов. Скворцов был делегатом XII и XIII съездов Союза писателей России.

Член Союза писателей России и Союза писателей Санкт-Петербурга.

– Владимир Степанович, у каждого пишущего человека есть какие-то основные темы, запускающие творческий процесс, одновременно питающие его. Мне кажется, для вас самой важной темой является внутренний мир человека, его чувства, эмоции, взаимоотношения друг с другом, с природой. То есть, внутреннее наполнение личности. Это так?

– Вы правильно разглядели. Но ответ на вопрос не будет кратким.

Со школьных лет и до сих пор я веду дневник. Теперь не каждый день, а в молодые годы мной записывалось всё: яркие события, внезапно сложившийся стих, что-то интересное или важное, чем запомнился день. В университете, на факультете журналистики нам, студентам, педагоги настоятельно советовали: сходил на прогулку, опиши, что видел, даже мелочи, например, как ворона на дерево села. Это научит и приучит к работе. Однажды нам дали задание: «Опишите, как сегодня вы добирались на занятия». Случилось, что именно тем утром я встретил в метро человека, с которым служил в армии. На занятии я написал об этом. Прочитав мою зарисовку, преподаватель посоветовал развить тему, получится прекрасный очерк. Я так и сделал: написал и отправил в журнал «Советский воин» очерк. Его быстро напечатали.

Существует мнение, что Лев Николаевич никогда не стал бы великим **Толстым**, если бы не писал дневников. Я приобрёл его собрание сочинений, в нём два тома – дневники. Будучи молодым человеком, Лев Николаевич

пишет: «Сегодня я, подлец, проспал». Ругает себя, ставит себе ультиматум, что если вновь проспит, то будет последним негодяем. Читаю следующую запись: «Сегодня я, подлец, опять проспал». Забавно, да, но ведь это – процесс формирования личности.

Геннадий Андреевич Шичко, кандидат биологических наук, разработал метод избавления от алкогольной и табачной зависимости. Посредством дневниковых записей можно победить тягу к спиртному и табаку. Этот метод использовал Геннадий Андреевич даже при лечении наркозависимых.

Начав писать дневники в юности, я ещё не знал, что они меня формируют. Но в течение жизни они выводили меня из каких-то тупиковых ситуаций и состояний и, в итоге, не дали расчеловечиться. А поскольку я копался в себе, мне было любопытно, как это происходит у других. Мне стали интересны судьбы других людей, их душевное состояние. Поэтому, действительно, для меня самое главное – люди и их внутренний мир.

– В какой момент к вам пришло осознание «я – поэт» или, может быть, «я стану писателем». Когда литературное творчество стало вам интересно, как занятие, а не времяпровождение?

– Первые стихи написаны мною в двенадцать лет. Я болел, лежал дома один. Почитаю что-нибудь и от нечего делать сочиняю. Летом у нас дома собрались гости. Моя мама решила почитать им мои сочинения. Они сидят с одной стороны русской печки, громко смеются над моими стихами, а я с другой стороны всё слышу. Выглянул, вижу: один из гостей даже слёзы вытирает. Оказывается, мои стихи доставляют людям радость! Я тогда впервые испытал восторг от собственного творчества!

В. Скворцов у родительского дома. Здесь прошли лучшие годы жизни

Ещё случай. В школе одноклассники уговорили учителя биологии, чтобы тот разрешил мне прочитать мой рассказик. Он был фантастический. Будто бы мы на лыжной прогулке бежали наперегонки. Мой приятель Миша Яблоков так отчаянно мчался, что от скорости лыжня под ним таяла, и мы бежали за

ним уже по воде. Класс смеялся! Учитель тогда уверенно сказал, что Володя (то есть, я) будет писателем! Мне было важно это услышать.

– **Кто или что учило вас творчеству? Хотя наставником в литературе быть почти невозможно...**

– Прежде всего, книги. Наша семья была читающей. Мама, **Скворцова Елена Ермолаевна**, – учительница. Сестра, чуть свободная минута, тут же бралась за чтение. Брат тоже постоянно читал, зрение себе испортил – стал близоруким. От недостатка в деревне хороших книг, он перечитывал то, что уже хорошо ему известно. Наш отец – **Степан Емельянович** – фронтовик, прошедший войну, имевший начальное школьное образование, работавший в колхозе шофёром, и он выписывал себе журнал «За рулём». Не случайно, что книга для меня до сих пор – первый мой друг и наставник.

Володя с мамой и папой. 1963 г.

С книгами общаться легче, чем с людьми: книги не лезут в личную жизнь, не пристают с глупыми вопросами, не отвлекают болтовнёй, не навязчивы, не дышат на тебя табаком или перегаром, а мирно, преданно и – главное! – молча ждут на полке своего часа, чтобы в любую минуту послужить человеку.

Плохую книгу захочешь выбросить – она не сопротивляется. Хорошую книгу вносишь в дом – она не требует исключительных условий для себя. Поэтому я с давних пор всегда рад встречать Новый год с книгами, а не с пьяными празднующими людьми.

Первые мои наставники, если не брать во внимание школьных учителей, появились, когда я стал посещать литературное объединение при редакции районной газеты. Однажды к нам в ЛИТО из Новгорода приехали члены Союза писателей СССР **Леонид Воробьёв** (прозаик) и **Владимир Кулагин**

(поэт). В процессе разбора стихов Воробьёв тихо сказал Кулагину: «Володя, смотри, один из них написал: *«А у ёлочки-девицы /есть косметика своя: /красит инеем ресницы /перед зеркалом ручья»*. Слышу их разговор, и гордость меня распирает: это ведь моё стихотворение! Слабые стихи, конечно, у меня тоже были, но на то и учёба, чтобы научиться отличать сильные и слабые стороны своего творчества. Именно в те годы у меня появились строки:

*И кровью понял я, что надо
мне делать и куда идти,
и повстречались, как награда,
мне люди светлые в пути.*

Потом я учился и работал в Ленинграде (Петербурге), плотно общался с поэтами – членами Союза писателей СССР – **Николаем Малышевым, Александром Макаровым, Анатолием Иваненком, Вячеславом Кузнецовым, Владимиром Нестеровским, Надеждой Поляковой, Юрием Шестаковым, Иваном Стремяковым, Глебом Горбовским** – каждый из них меня по-своему чем-то обогатил. Одно время секцию поэзии при Союзе писателей возглавлял **Семён Вульфович Ботвинник**, умный, образованнейший и тактичный человек. На общих литературных посиделках он никогда не высказывал критики при всех, но однажды после вечеринки, где поэты читали вслух свои строки, и я тоже, Семён Вульфович с глаза на глаз посоветовал мне, где в стихах, какие слова стоит заменить. Чтобы прорасти, семена учёбы должны упасть на благодатную почву. В литературе, вероятно, я был тогда такой почвой. Но творчеству в Петербурге способствует даже сама атмосфера. Как можно жить здесь и ничего не писать? Пройдёшь по улицам, вдоль рек и каналов – сразу приходят неожиданные строки:

*Идёт по Невскому курчавый
Приезжий парень, в чувствах весь!
Красивый город, величавый,
Но... Пушкина убили здесь.
Забудет парень тот едва ли
Величие каналов, рек...
Какие люди здесь бывали!
Здесь даже сплунуть – страшный грех!
Всё благородно, чинно вроде...*

*Не обижая никого,
Писал Есенин о природе,
Да вот... повесили его.
Наш город били и гнобили –
Он не замёрз и не спалён!
Но Гумилёва... здесь убили,
Борис Корнилов... тут казнён...
Здесь даже ветер правду ищет,
Деревья стонут и мосты...
Здесь больше лоска или нищих?
Уродства или красоты?
Правдиво, честно и толково
Нам под гитару пел Поэт!
В слезах мы слушали Талькова,
Но и Талькова больше нет...
Не канут праведники в Лету,
Им суждено светить и греть!
И честь для каждого поэта –
Здесь жить, творить и умереть...
(Столица муз и красоты)*

Со мной в университете учился **Саша Некрасов** из республики Коми. Жили мы в общежитии на Новоизмайловском проспекте. Когда он был на четвёртом курсе, а я на втором, у него вышла книга стихов в твёрдом переплёте. Для всех нас это стало огромным событием! Все ахали, охали: на обложке портрет нашего друга, его имя! Творение своё автор нам в руки не давал, но мы без того смотрели на него, как на звезду русской поэзии! Однажды Саша приходит ко мне в комнату, интересуется, что делаю? А я готовлюсь к зачёту по иностранному языку. Он плечами пожимает, мол, кому это надо, на немецком языке у доярки будешь интервью брать? Лучше пойдём, предлагает, купим вина и почитаем друг другу стихи. Я посомневался, но было заманчиво почитать свои стихи тому, кто сам не только пишет, но имеет явные достижения. И я согласился.

Володя — студент ЛГУ. 1975 г.

Саша ходил по универсаму с металлической корзиной, как по личному амбару: всё трогал, щупал, проверял... Дошли до места, где стояло вино. Тут он как начал складывать бутылки в корзину!

– Ты что? С ума сошёл?! Куда нам столько?! – не выдержал я. Саша-поэт словно не слышал, спокойно укладывал бутылку за бутылкой...

– Это пригодится, чтобы потом ночью не бегать, не искать, – пояснил он. Вина купили много, бутылок семь. Некрасов предложил сначала выпить, расслабиться, потом стихи читать. Мы выпили, поболтали, закусили варёной колбасой. Начали читать друг другу стихи наизусть. Всё громче и громче... Пили и читали. Количество выпитых стаканов равнялось количеству прочитанных стихов. В итоге: минут через сорок Саша спит поперёк кровати, мне читать стихи некому, готовиться к зачёту уже не могу... Дальше – хуже. Беру Сашину книгу, раскрываю и с ужасом понимаю, что я сошёл с ума: буквы русские, а что написано – не разберу. Одну страницу читаю, другую – ничего не понятно! Ошеломлённый, бросаюсь к ребятам в соседнюю комнату. Со мной, говорю, что-то случилось: читаю, ничего разобрать не могу. Товарищи взяли книгу – и рассмеялись. Оказывается, книга-то на языке коми написана! Буквы русские, а текст – бессмыслица, если языка не знать! До сих пор помню эту историю в подробностях. Вот, что значит, проявить безволие. Получил не лучший жизненный урок.

– Касаемо литературы: кто теперь ваши «советчики» и «попутчики»? Словом, что читаете, когда есть время?

– В основном то, что шлют для издания книги или для публикации в журнале. **Иван Иванович Сабилло, Александр Александрович Бобров, Олег Викторович Солод** – солидные писатели. Такие авторы присылают рассказы, я читаю – радуюсь. Начинающие авторы чаще расстраивают. Например, рассказ, где один и тот же герой произведения с разными именами. Звоню уточнить. Автор спохватывается и предлагает: «Вы сами поправьте, как понравится». Вот такое отношение к литературному труду и читателю... Чтобы не застревать в поделках, а множество присылаемых работ – всего лишь литературные заготовки, люблю читать рассказы **Фёдора Абрамова** и потрясён тем, как он гармоничен. Или **Валентина Распутина**. Прочтите «Уроки французского» – и поймёте: написав этот рассказ, человек уже жил не зря. На этом произведении в любом возрасте можно учиться, как излагать мысли, строить текст, чтобы у читателя дух захватывало, хотелось жить.

– Ваши стихи поражают искренностью. Вы, должно быть, очень смелый человек, доказательство тому – ваша медаль «За отвагу на пожаре». Смелость в жизни и искренность в творчестве взаимосвязаны?

– Не могу сказать. Может, и связаны... В университете я занимался самбо, занял в своей весовой категории на университетских соревнованиях первое место. Обо мне руководитель тренерской команды Соловьёв сказал: «Этот парень через год станет мастером спорта, если не бросит тренировки». Да, был у меня такой выбор: или спорт, или учёба. Меня убеждали, что можно тренироваться и учиться, спортсменам всегда идут навстречу в любом учебном заведении. Экзамены и зачёты можно сдавать целый год... Некоторые спортсмены по семь и даже девять лет учились в вузе. Я рассказал об этом маме, она отсоветовала, сказав: если взялся учиться, так учись. Получи профессию! В итоге оказалась права. На ближайших соревнованиях мне так повредили ногу, что я потом полгода восстанавливался. Но в определённом смысле эта закалка мне пригодилась. А упомянутую медаль мне дали за тушение пожара на учениях, которые проходили в районе Ладожского озера. Лето 1972 года выдалось едва ли не самым жарким за сто лет. Мы, солдаты-первогодки, в сапогах да гимнастёрках, застёгнутых на все пуговицы, просто с ума сходили от жары. Так потели, что наши гимнастёрки, немного подсохнув, белыми от соли становились.

На срочной службе в СА. 1974 г.

Загорелись леса, потом схватились торфяники. Огонь приближался к деревне, а командиры все куда-то пропали. Я имел опыт тушения лесных пожаров, поскольку рос и мужал в деревне. Никто не помышлял о том, что нас за доблесть на пожаре как-нибудь поощрят. Мы просто тушили пожар. Сложнее всего было с дымом. Противогаз хорош от слезоточивого газа, а от дыма не спасает, любой специалист скажет. Но тогда этого не знали даже офицеры. Нам выдали противогазы. Когда ты в противогазе, а вблизи бушует огонь, такое ощущение, словно взяли блин с раскалённой сковороды и приложили к твоему лицу. Горячая резина на вспотевшем лице... Мы, конечно, их сняли...

Тогда все понимали только одно, что туда, где стоит наша техника, огонь допустить нельзя. Гасили пламя машинально ветками деревьев, не думая о возможной гибели, пока огонь не стал обходить нас – и мы оказались в дымовой и огненной ловушке. Я предложил отступить и копать траншею, чтобы остановить огонь. Почва оказалась песчаная, такая, что немного углубишься, а там – грунтовая вода! Мы все бросились копать ров перед приближающейся стеной огня. Брызгали себе на лицо и одежду мутную воду, чтобы избежать ожогов... Копали молча, остервенело... Таким образом огонь удалось остановить. Но пострадали тогда многие солдаты... Помню, ребята из соседнего подразделения несут полуживого паренька, а у него вся спина вместе с одеждой чёрная – сплошной уголь! Видимо, потеряв сознание

от угарного дыма, он упал на тлеющий мох, и заметили это не сразу... В тот момент я и понял, что дело серьёзное...

Когда всё закончилось, старший седой офицер нам сказал: «Ребята, вы не представляете, скольких людей вы спасли! Вон деревня, – видите на горизонте? – ничего бы от неё не осталось, ни от леса, ни от нас... Тут ведь огромный склад боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Если бы это всё одновременно загорелось и рвануло, хоронить было бы некого».

Наградили многих солдат. Удостоверения к медалям нам подписывал **Николай Викторович Подгорный** – Председатель президиума Верховного Совета СССР. В 1973 году на этом посту его сменил **Брежнев**, и мне было обидно, что человека, который подписал нам наградные листы, сместили с должности. Зато как удивился мой отец, когда увидел, что «сам Подгорный документ подписал»! Но в армейской суете долго ещё не приходило понимания того, что мы совершили что-то особенное... В студенческие годы я написал об этом событии очерк, изменив свою фамилию на Грачёва. Послал в журнал «Советский воин», его опубликовали, и я получил большой гонорар.

– Потрясающая история, настоящая поэзия подвига... Но что лично вы больше всего цените в стихах? Что для вас настоящая поэзия?

– От хороших стихов учащается сердцебиение, захватывает дух, хочется вернуться и перечитать. Восхищение, удивление, учащённое дыхание – вот это для меня настоящая поэзия. Прочитав такие стихи, самому хочется писать. Однажды ночью мне не спалось, я читал свои старые стихи, так у меня слёзы потекли! От своих же творений! Как, думаю, я мог такое написать?!

Стихи нельзя вымучивать. Говорю это другим и сам так поступаю. Если пришло – записывай, не останавливаясь. Всё это – строительный материал, заготовки для будущих произведений. Придёт время, начинай строить из этого рассказы или стихи, думай, убирай всё лишнее, чтобы читатель вдохновлялся каждой твоей строкой.

– Часто к детскому творчеству писателей приводит общение со своими детьми. Но это не единственное условие. Как было у вас? Почему вы обратились к детской литературе?

– У моей старшей сестры родилась дочка, потом сын. Меня просили посидеть с ними, пока они были маленькие, потом позаниматься, когда подросли. Первое детское стихотворение я посвятил племяннице Лене Соколовой.

*Лена шла по огороду,
Ела чёрную смороду,*

*А к малине подошла –
Красну ягоду нашла.
Потянулась далеко,
И на руку ей легко
Села муха озорная,
Пучеглазая, большая,
Села, сразу замерла.
Лена думала, пчела!
И пустилась вдруг бежать,
Грядки ровные топтать.
По клубнике, по картошке
Босые сверкали ножки,
Вдруг на пчёлку наступила,
И пчела Лену кусила.*

Помимо забавы, тут ведь ещё и нравоучение: мухи испугалась, а пчела тебя нашла. Я тогда уже в армии отслужил, но в поэзии ещё абсолютный юнец был. Написал первые строки – и понесло, словно от меня уже ничего не зависело.

Работая после университета в Выборге, я написал стихотворение «Да вы не бойтесь!».

*Я часто вижу в нашем городке:
огромный дог идёт на поводке
и девочку он тянет за собой,
все люди их обходят стороной.
А девочке твердить не надоест:
– Да вы не бойтесь, он же вас не съест!*

*Я в парке их увидел в выходной,
но все и там обходят стороной!
И всякий, пятась, норовит сказать:
– С такой собакой здесь нельзя гулять!
А девочке твердить не надоест:
– Да вы не бойтесь, он же вас не съест!*

*Однажды дог во двор к нам забежал,
там карапуз в песочнице играл.
Мальши сказал: – Давай играть с тобой!*

Ты – грузовик, а я – водитель твой!

*Когда пришла хозяйка с поводком,
малыш собакой управлял верхом.*

– Ты что, малыш, с ума сошёл совсем!

– Да ты не бойся, я его не съем!

Это стихотворение многократно печаталось в различных изданиях, я всегда его читаю на творческих встречах в школах, детских домах и приютах...

Успех неизменный! Смех и аплодисменты детей – лучшая награда!

– Вашу книгу о детстве «В зеркалах живой природы» я не назвала бы совсем уж детской. Скорее для семейного чтения. Её достоинства таковы, что она интересна и ребёнку, и взрослому. И поучительна как раз для взрослого человека. Чем вам самому дорога эта книга?

– У меня две книги такой прозы: «Путешествие в деревенское детство» и «В зеркалах живой природы». Главы из последней (книга ещё не была издана) я начал публиковать в журнале «Невский альманах». Через некоторое время мне позвонил **Илья Петрович Штемлер**, похвалил и посоветовал взять у **Валерия Попова** рецензию с тем, чтобы издать книгу. То были времена, когда ещё работал авторитет. Если писателю давали рекомендацию крупные литературные мастера, такие как **Александр Кушнер**, **Даниил Гранин** или **Валерий Попов**, отказать в субсидии на издание не смели. Попов написал превосходную рецензию. Вторую – **Андрей Балабуха**. В итоге книга вышла...

Мне дорого всё, что происходило в моём детстве, и хотелось это запечатлеть. А случилось столько интересного! В деревнях жило много детей, все вместе играли в футбол, хоккей, купались, в лес ходили. Раньше даже двери в домах не запирали, закрывали на щепочку. Теперь мы видим там совсем другую атмосферу, иной уклад. На зиму все уезжают, летом – одни дачники. Кругом высокие заборы, никто ни с кем не знается...

Кое-что в книге взято из дневников. Мы ведь действительно играли в пятнашки на деревьях. Сейчас кому скажи, не поверит. Я был самый младший и лёгкий из сельских ребят нашего поколения. Забирался на самые вершины деревьев. Она могла треснуть, обломаться, но мне это и в голову тогда не приходило. С одной вершины дерева я научился перелетать на вершину другого... Мои товарищи постарше и потяжелее оставались ни с чем. Это ловкость и азарт – игра в пятнашки на деревьях! В книге это всё есть.

Нормальные люди чужих собак боятся, а Скворцов с ними целуется...

На охоту я тоже ходил, как в книге написано, и счастлив, что никого не убил. Мне страшно нравились селезни, Их перламутровые шеи, играющие на солнце инопланетным сиянием! Я ими был так очарован, что даже на курок ни разу не нажал, Бог отвёл.

– **Продолжая тему детства, кто ваши родители?**

– Мама, я уже упоминал, работала школьной учительницей...

Отец верующим был, но не афишировал это. Он из семьи староверов, многие молитвы знал, иконка у нас в доме висела. Мама убрать образок просила, за него ведь уволить из школы могли. А батя – ни в какую, мол, не мешает же никому. Но потом пришли какие-то люди, заставили снять.

Отец, Степан Емельянович Скворцов, – фронтовик, с войны вернулся с двумя медалями «За отвагу» и Орденом Славы. В наградном листе к Ордену написано, что во время атаки Степан Скворцов прыгнул в окоп противника, вырвал у немца станковый пулемёт и расстрелял до пятнадцати солдат и офицеров противника. Сам отец никогда ничего не рассказывал. У нас в Климовщине в те времена располагался Детский дом, детдомовские ребята были особенно любопытными и привязчивыми! Они интересовались, много ли фашистов отец убил? Тот всегда отвечал, что не помнит. Но однажды они к нему крепко пристали: сколько да сколько. Отец-то и буркнул: «Четыре». А спустя годы выясняется: в одной только атаке из трофейного оружия – пятнадцать. Но что любопытно: дома ни одну животину, кроме птицы, отец сам не убивал. Напомню: мы жили в деревне, и у нас были овцы, гуси, куры, поросята, корова, кролики... Думаю, отец столько крови видел, на такое посмотрелся, что жалел потом всё живое. Хотя в драке мог в одиночку нескольких мужиков раскидать. В нашей деревне жил ровесник отца **Иван Данилович Симаков**. Они оба начали войну 22 июня, но при разных обстоятельствах. Отец, в противоборстве с румынами, в плен не попал, а

Симаков, как многие другие, имея дело с немцами, оказался в плену и хлебнул немало лиха. В те годы к бывшим военнопленным относились очень плохо. Зная это, отец всегда его от насмешников защищал. Доставалось каждому, кто посмел обидеть дядю Ваню.

В те годы их не называли ветеранами. Люди, прошедшие войну с самого начала и до Победы, фронтовиками звались! Те, кто пошёл на фронт в 1944-45 годах, – вот они ветераны. Папин друг, наш сосед-фронтовик **Николай Родионович Суворов**, весь искалеченный в боях, в праздничных застольях иногда вздыхал: истинные фронтовики там остались... На поле боя, то есть. – **С вашим острым и мгновенным юмором знакомы, пожалуй, все любители иронической литературы. Откуда в вашем творчестве взялась ирония? Из чего выросла?**

– Из самой жизни. Есть вещи, над которыми не посмеяться нельзя. У меня множество иронических стихов. Одиннадцать лет я езжу на Всероссийский фестиваль иронической поэзии в город Кстово Нижегородской области, неофициальную столицу юмора. И у нас при редакции «Невского альманаха» есть Клуб здорового юмора «Музы и конфузы», ему уже четырнадцать лет. Все, кто дружит с юмором и иронией, собираются под крылом «Невского альманаха» в первый вторник каждого месяца, чтобы поделиться своими новыми произведениями и поучиться друг у друга.

В кругу поэтов. Эдуард Кузнецов, Иван Стремяков

Как такое творчество во мне «прорастает» – сам не знаю. Вроде и быт заел, и времени нет, и жизнь чрезвычайно суетная, а стихи нет-нет, да и приходят на ум. Недавно я «нечаянно» написал стихотворение «Пузырь» и прочёл его в нашем клубе под аплодисменты, каких не ждал! Пузыри – это категория людей. Одни называют себя великим деятелями культуры, другие

провозглашают себя «жертвами, познавшими и повидавшими...», некоторые ходят обвешенные со всех сторон «орденами» и «медалями». Вдруг стало модным, когда никому неизвестный человек публично провозглашает: я – поэт года! Невольно у меня родилось четверостишие:

*В море книг не видно брода,
Улыбаются таланты:
Полстраны – «поэты года»,
Остальные – «номинанты»...*

К пузырям относится и персонаж, который купил себе адмиральскую форму и сочиняет, будто он – адмирал секретной службы... Подобные персонажи – и есть мыльные пузыри. Стихотворение развилось из одной внезапной строки: «Идёт по городу пузырь». Вот так: видишь забавное нечто, улыбаешься, тут проросток стихотворения и появляется.

*Идёт по городу Пузырь,
Грудь – колесом, расправил плечи...
Ему навстречу Кура-гриль –
И оба радуются встрече!
Пузырь и пел, и танцевал,
И улыбался всем прохожим,
Он звёзды с неба доставал
И был на гения похожим...
Тащились барышни за ним,
Где был Пузырь – там ахи! вздохи!
В общенье скользкий, как налим,
Пузырь во всём – продукт эпохи.
Пузырь награды получал
И гонорар брал непосильный...
Однажды лопнул! Мир узнал,
Что тот Пузырь был просто мыльный...*

– Читатели знают вас по ёмкой, иногда довольно жёсткой поэзии.

Поискала вашу художественную прозу в Интернете. Не нашла. Сделайте некоторый обзор, сориентируйте читателя в вашей прозе, увидевшей свет.

– На Прозе.ру не публикуюсь. Прежде всего, моя проза есть на сайте журнала «Невский альманах» в рубрике «Библиотека», где представлены для чтения

многие книги. Книги можно найти в Российской государственной библиотеке и в наших Питерских.

– Вы почти не отдыхаете в традиционном для работающего человека понимании, то есть, не бываете в отпуске. Когда же уединение? Где вы берёте время для творчества?

– Да, занят «выше крыши». Мой отдых – смена занятий. Не каждый союз писателей издаёт в год столько книг, сколько мои «Родные просторы». «Невский альманах», охвативший всю страну и зарубежье, тоже много времени забирает. Плюс фестивали, конкурсы, книжные аллеи, Международные книжные ярмарки, творческие встречи с читателями, другие мероприятия... Недавно ездили выступать в Дом творчества писателей «Комарово». Я и мои соратники буквально за день договорились, кто и что будем читать – и получилось прекрасное мероприятие...

Где нахожу время для творчества? Я давным-давно понял: кому дано сказать, – тот скажет. Случается, люди сетуют: эх, было бы время, я бы книгу написал. Да такому человеку дай время, дай денег – ничего не напишет. И деньги потратит! Зато возьмите **Сервантеса**: был в плену, трудился на галерах, а написал гениальные книги. **Шолохов, Твардовский, Астафьев, Пикуль** – войну прошли, образования толком не получили, но такие книги написали, что вся страна зачитывалась! Им дано было сказать – и они исполнили замысел Творца!

– Вы – главный редактор журнала «Невский альманах». Кто ваши авторы, и кто – читатели?

– Прежде всего, это журнал для пишущих людей, которые хотят поделиться своим творчеством и познакомиться с творчеством современников. И он для читающих людей, которые любят настоящую литературу, не пустые бездарные фэнтези, детективы и триллеры. Под одну обложку я ставлю самых разных авторов, бывает даже, школьников и студентов. Определённый круг писателей ругает меня за то, что – мол, я графоманов печатаю, не членов Союза писателей России. Как же они станут членами Союза писателей, если их не печатать, если с ними не работать, не помочь издать книгу? Убеждён, что задача любого периодического художественного издания – освещать литературный процесс России. Когда публикуют только известных авторов, получается, вроде как журнал примыкает к чьей-то славе и хочет стать популярным за счёт раскрученных авторов. Я решил не прилипать к чужой славе, хотя для известных мастеров слова у меня в журнале место, конечно, есть. А для молодых авторов опубликоваться рядом с классиком русской литературы – большая радость, окрыление, мощный стимул продолжать работать.

В Новгородской писательской организации 05.09.2009 г.

– Вы также и президент Некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы». Кто ваши партнёры, чем вы помогаете писателям?

– На протяжении многих лет я издаю книги писателей Санкт-Петербурга при поддержке Комитета по печати. Издаю книги писателей России при поддержке Министерства цифрового развития. Было время, издавал по 20-25 книг в год при поддержке этих двух организаций. Но чиновники до крайности усложнили эту процедуру. Раньше сначала выделяли деньги на книги, которые прошли отборочный конкурс, мы издавали, отчитывались. Теперь издателю предлагают иное: ты сначала издай, потом мы тебе денег дадим. Где же средства на издание взять? Кредит возьми, говорят. Стало быть, всю выручку от работы издательства я буду вынужден отдать банку в оплату кредита. Вся страна опутана кредитами! У меня такое ощущение, что банкиры власть захватили и всем управляют. Им такое положение выгодно, а остальным?..

– Вы рассказали, как помогаете писателям, а какая помощь нужна вашему журналу и Партнёрству?

– Лично мне ничего не надо, я перебыюсь. А вот Партнёрству надо, чтобы нам не мешали жить и работать, чтобы дилетанты, приведённые к власти «друзьями» и родственниками, прекратили менять «правила игры во время игры».

Нам, как любой некоммерческой организации, нужна финансовая поддержка, нужно, чтобы нас не душили некоторые виды «обязательных расходов». Если у нас десятилетиями издаётся хорошая литература, почему бы государству не продолжать поддерживать наше издательство? Господдержкой, например, пользуется издательство, выпустившее книгу о предателе родины **Власове**.

Издатели оправдываются, он, видите ли, не совсем предатель, он ратовал всего лишь против **Сталина**. Но Сталин-то во время войны был главнокомандующим в стране, боровшейся с фашизмом, организовывал сопротивление врагу! Да разве у нас мало генералов, которые честно воевали, в плену мучились (например, генерал **Карбышев**), погибали, но не предавали Родину? А книгу издали именно о Власове. За границей перевели и тиражировали! Получается, в мире широко известны только наши предатели. Подобные издательства пользуются финансовой поддержкой своей страны да ещё получают деньги из-за рубежа, как бы за «выполнение заказа».

Каждому писателю хочется, чтобы изданную им книгу где-то за границей перевели, иностранцы читали бы и восхищались: какие талантливые в России писатели живут, какие удивительные люди! У нас ведь в любой сфере они есть: в образовании, культуре, да хоть бы и на селе. С любой бабушкой поговори, и обогатишься духовно, и жить захочется, потому что у нас за спиной такие замечательные предки!

– Совет от мэтра молодому писателю. Что важно в литературном творчестве? Что писатель должен своему читателю?

– Отдавать читателю долги нужно добротной литературой – стихами, прозой, причём, возвышая читателя, а не принижая. Не опускаться перед читателем до грязных сюжетов, сцен разврата и насилия. Прежде чем взяться за перо, сто раз подумай: не омрачишь ли ты душу читателя, есть ли у тебя моральное право чему-то его учить, делиться с ним своими мыслями. Может, сначала самому поучиться, набраться знаний и мудрости, основ духовности, нравственности, которые веками формировались? И не количеством, а качеством следует покорять читателя. Некоторые писатели говорят: «Я – автор сорока книг». Допустим, ладно, а сколько ты читателей обрёл? Меньше, чем раздал книг! Хотя бы семеро знают тебя? Могут что-то из твоего процитировать? Хоть кто-то посоветует тебя почитать? Но всё равно то и дело слышу на разных литературных тусовках: «Я – автор сорока книг».

Застолье, презентация, пикник...

За праздностью поэты не поймут:

Важней, не сколько написал ты книг,

А сколько строк... тебя переживут.

– В заключение традиционный вопрос. При вашей архизанятости трудно планировать что-то в творчестве, и всё же: Ваши творческие планы?

– Планы неизбежно существуют. Если бы я не планировал, очень мало успевал бы писать. Случается, конечно, что чего-то не написал, не успел. Так и слава Богу: значит, ненаписанное ещё обростёт мыслями, сюжетными деталями, пробьются к жизни более точные, зрелые строки...

Первый мой и самый важный план: написать ещё раз об отце, более подробно, потому что раньше я многого не знал. Документы времён войны были засекречены. Сейчас они в доступе.

Кроме этого, хочу написать ещё об одном удивительном человеке. В нашей школе работал **Бойцов Николай Владимирович**, преподаватель труда. До сих пор удивляюсь, откуда он, малограмотный, с четырьмя классами образования, столько всего знал, умел и понимал? И нас многому выучил. Я горд тем, что он дружил с моим отцом. Оба – фронтовики. С войны учитель привёз аккордеон и стал с ним известен на всю округу. Ни один праздник без него не обходился. Бывало, Николая Владимировича просят: сыграй то или это. Он: «Пусть кто-то напёт». Ему напевали, и спустя минуту-две доморощенный музыкант уже играл песню полностью! Пластинку ли послушает, радио ли – в два счёта мелодию подбирал. Вот что значит: дано! Дано человеку слышать и чувствовать музыку – он услышит и прочувствует, и сумеет передать это людям...

А что до стихов, то они пишутся сами. Я никогда не знаю, какое именно родится стихотворение – ироническое, лирическое, но оно обязательно появится на радость и вдохновение читателям. Всем творческим людям хочу пожелать:

*Пусть творческая радость
проблем разгонит глушь,
и не коснётся старость
бессмертных наших душ!*

(Прикосновение к вечности).